

Дамье Вадим

Модернизация по-сталински

К концу 20-х годов СССР оставался еще слаборазвитой, преимущественно аграрной страной. Около 80% населения жили в сельской местности; около 2/3 продукции народного хозяйства давали сельскохозяйственные отрасли, и лишь 1/3 - промышленность. Индустрия страны едва только начала превышать довоенный уровень. Оказавшись у власти в огромной стране, правящая партийно-хозяйственная номенклатура, по существу, очутилась в том же положении, что и царский режим. Она не меньше его стремилась к имперской, державной политике, но материальная база для такого курса оставалась по-прежнему чрезвычайно узкой. Для этого понадобилась бы широкомасштабная модернизация страны, создание мощной современной тяжелой и военной промышленности. Иными словами, форсированное создание индустриального общества - "капитализма без частной буржуазии", или государственного капитализма.

С этим власти связывали не только решение внутренних проблем, но и независимость и мощь государства, а значит, стабильность господства и привилегий правящего слоя. «Ты отстал, ты слаб - значит, ты неправ, стало быть, тебя можно бить и поработать. Ты могуч - значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться. Вот почему нельзя нам больше отставать», - заявлял Сталин.

В условиях политического соперничества с западными державами на внешние ресурсы для индустриализации рассчитывать было нельзя. Сталин пояснял, что в странах Запада промышленный переворот происходил «либо при помощи крупных займов, либо путем ограбления других стран... Партия знала, что эти пути закрыты для нашей страны... Она рассчитывала на то, что... опираясь на национализацию земли, промышленности, транспорта, банков, торговли мы можем проводить строжайший режим экономии для того, чтобы накопить достаточные средства, необходимые для восстановления и развития тяжелой индустрии. Партия прямо говорила, что это дело потребует серьезных жертв и что мы готовы пойти на эти жертвы открыто и сознательно...». При этом никто, разумеется, не собирался спрашивать народ, согласен ли он на такие жертвы. «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут», - не допуская возражений провозгласил Сталин.

Особенная скорость и жестокость такой форсированной модернизации объяснялась, по словам немецкого исследователя Р.Курца, тем, что «в нее, невероятно короткую по времени, уложилась эпоха длиной в две сотни лет: меркантилизм и Французская революция, процесс индустриализации и империалистическая военная экономика, слитые вместе».

Еще в апреле 1927 г., выступая на пленуме ЦК партии, Сталин возражал, например, против строительства Днепровской ГЭС, заявляя, что ее сооружение значило бы то же самое, что для мужика покупать граммофон вместо коровы. Но, как свидетельствует Троцкий, «ускорение темпа индустриализации происходило... под толчками извне, с грубой ломкой всех расчетов на ходу и с чрезвычайным повышением накладных расходов». В 1927 году был подготовлен первый официальный набросок пятилетнего плана экономического развития страны: прирост промышленной продукции намечался с убывающей из года в год скоростью от 9 до 4%, личное потребление должно было за пять лет возрасти на 12%. В 1928 году Политбюро утвердило новый проект пятилетки, в котором предусматривался годовой прирост промышленного производства на 9%. Еще через год Госплан разработал третий вариант пятилетки с еще большими темпами роста.

Становилось ясно, что обеспечить стремительный рост индустрии нормальными средствами все труднее и труднее. Структурные проблемы экономики к концу 20-х годов стали нарастать. Диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством увеличивались. В начале 1928 года возникли проблемы со снабжением города хлебом. Рост реальных заработков рабочих в городах замедлился, все острее чувствовались инфляция и безработица, которые вызывали обнищание широких слоев населения. Обострение социальной дифференциации вело к усилению недовольства в стране. В этих условиях власти

стали склоняться к усиленному применению традиционного, испытанного еще в период царизма метода выкачивания средств на индустриальное развитие из деревни. Но у них была теперь куда большая свобода рук, чем у их предшественников. Поэтому они смогли обрушить на крестьянство сокрушительный удар.

Большевистский режим, по словам левого эсера И.Штейнберга, колебался между двумя полюсами: «Он знает или военный «коммунизм» эпохи войны, или рыночный нэповский «коммунизм» мирного времени. Но он в испуге шарахается от третьего пути социалистической революции: демократической и социалистической самоуправляющейся Республики Советов». В 1928 году с колебаниями было покончено.

Переход к «коллективизации»

Аграрная политика ВКП (б) предусматривала, по существу, изменение социальной структуры деревни. После гражданской войны земля оказалась в распоряжении крестьянских общин и была разделена между семьями по числу «едоков». Однако такой порядок вещей не устраивал большевиков, считавших большинство крестьянства «мелкособственническим элементом». Прежде всего, основная масса хозяйств крестьян-общинников была малотоварной; они вели полунатуральную экономическую жизнь, производя, в первую очередь, для собственных нужд и сведя производство товарных излишков к минимуму, необходимому для покупки продуктов городской промышленности. Из таких хозяйственных единиц было крайне трудно «выжать» растущее количество хлеба как для нужд города, так и для продажи за рубеж, на валюту, которую затем можно было бы использовать для целей индустриализации. К тому же община как устойчивый социальный механизм стойко сопротивлялась организованному нажиму со стороны государства. Наконец, не разложив ее, нельзя было «высвободить» то количество рабочих рук, которое потребовалось бы для широкомасштабной индустриализации. Экономисты рассчитывали, что 15% сельского населения является «избыточным». Вот почему все фракции большевистской партии были настроены резко враждебно по отношению к общине. Разногласия между ними касались лишь вопроса, каким образом ее можно ослабить и разрушить: «левые» (последователи Троцкого) предпочитали форсировать внутреннее социальное расслоение за счет привилегий «беднякам» и расширения сектора государственных и «коллективных» хозяйств, «правые» (сторонники Бухарина - Рыкова) делали ставку на рост крупных индивидуальных (но, на практике, зачастую использовавших наемный труд - т.е. частно-капиталистических, фермерских) хозяйств, ориентированных на рыночное производство и извлечение прибыли, которые в будущем могли бы стать основой всей аграрной отрасли страны.

Первоначально преобладание получила вторая линия, которая в известной мере продолжала столыпинский курс. В начале 20-х годов был значительно ограничен традиционные переделы общинной земли между крестьянскими семьями «по едокам». Тем самым был существенно ослаблен общинный механизм «социального выравнивания» и сделан важный шаг на пути концентрации собственности в деревне. В 1925 году без большого шума власти

отменили важнейшее положение «Декрета о земле», допустив аренду земли и использование наемного труда в сельском хозяйстве.

Налоги на крестьян росли. Кроме того, они обязаны были сдавать значительную часть произведенной ими продукции государству по ценам ниже рыночных, чтобы власти могли обеспечивать продовольствием города. Понятно, что многие крестьяне были недовольны этой процедурой и укрывали хлеб. Поэтому с 1926 года государственные планы заготовки зерна систематически не выполнялись. Кроме того, зачастую крестьянам было невыгодно продавать хлеб даже по свободным рыночным ценам, поскольку завышенные, монопольные цены на изделия городской промышленности побуждали крестьян все больше ориентироваться на самообеспечение и вообще избегать товарообмена с городом. Ставка на богатые хозяйства фермерского типа себя не оправдала. Они требовали более выгодных для себя условий продажи и более льготного ценового режима. Если «кулак» «скрывал свой хлеб, - признавал Троцкий, - то потому, что торговая сделка оказывалась невыгодной». Основная же масса общинных хозяйств не могла восполнить недостаток товарного хлеба, даже если бы пожелала этого. Структурные проблемы аграрного сектора становились неразрешимыми.

Ситуация должна была рано или поздно взорваться. Непосредственным толчком к этому послужил кризис со снабжением городов хлебом, возникший осенью 1927 года. Власти грубо просчитались, переоценив урожай зерна и установив крайне низкие закупочные цены, которые зачастую были ниже себестоимости производства. За неспад зерна снова вводились конфискации и тюремное заключение. В 1928 году морозы уничтожили значительную часть осенней рассады, восполнить ущерб было нечем, поскольку государство успело реквизировать запасы. Горожане снова занялись на свой страх и риск меновой торговлей с деревней, минуя контроль властей. Ответом «сверху» стали новые принудительные меры и конфискации. Весной 1929 года государство снова потребовало сдать ему последние резервы запасов зерна, чем еще больше обострило ситуацию. Для каждой деревни были введены обязательные твердые нормы сдачи, как в период «военного коммунизма».

Правящий режим истолковал «хлебный кризис» в соответствии с собственным, весьма искаженным представлением о социальном устройстве деревни. Он возложил основную вину на «кулаков». В апреле 1929 года Сталин восклицал: «Наш агитатор два часа убеждал держателей хлеба сдать хлеб для снабжения страны, а кулак выступил с трубкой во рту и ответил ему: «А ты попляши, парень, тогда я тебе дам пуда два хлеба». Убедите-ка таких людей». При этом ни власти, ни теоретики большевизма так никогда и не смогли определенно объяснить, кого же и на основании чего следовало причислять к данной общественной категории. Так и получалось, что в разных случаях и по мере надобности речь могла идти о совершенно разных подходах: здесь ссылались на имущественный достаток, там - на количество скота, в третьем месте - на чуть лучшее, чем у других жилье и т.д. С обычным деревенским понятием «кулака» («мироеда», хозяина, *вышедшего из общины*, взявшего землю в частную собственность и ведущего хозяйство с применением наемного труда) такое отношение не имело

ничего общего; оно использовалось обычно для того, чтобы наносить удары по широким слоям общинного крестьянства.

Крестьянская община в 20-е годы

Подавляющее большинство крестьян в СССР вплоть до конца 20-х годов жили в общинах. Под общинным контролем находилось более 90% обрабатываемых земель. Большая часть их была поделена на наделы, обрабатываемые отдельными семьями. Леса, пруды, озера, строения, мельницы, часто - оборудование и машины находились в совместном пользовании и управлялись общим сходом общинников. Существовали развитые формы взаимопомощи, включая совместную обработку семейных участков («супряга») и т.д.

Вот что писал о жизни и особенностях тогдашней деревни крупный специалист по истории крестьянства американский профессор Т.Шанин:«...Активность российских крестьян, их способность к автономному политическому действию... имели свои корни в семейном сельском хозяйстве и в общинной структуре, в которой крестьяне жили... Интересы богатых и бедных в каждой из деревень значительно отличались, но общность судеб или конфликта, при столкновении лицом к лицу с силами природы, государством, помещиками и даже рынком... обеспечивали... сильные, и в целом все пересиливавшие причины для кооперации и взаимной поддержки. Опыт веков научил селян тому, что такое единство необходимо для выживания большинства из них. И сплоченность общин, и понимание крестьянами своих интересов поддерживались и усиливались глубочайшим расколом и эксплуатацией внутри самого российского общества, его крестьянских поселений, стоящих лицом к лицу с тесно связанными друг с другом силами «верхушки»: ее государства и чиновничества, ее помещиков и дворян, ее богатых горожан и многочисленных инструментов социального и политического контроля.

Основные черты конфликта и неповиновения можно изложить еще более определенно. Это была, по большей части, борьба против помещиков и представителей государства, выливающаяся в конфронтацию со всем государством...

Со сложностями крестьянской деревенской жизни, ее социальными, политическими, культурными потребностями и сельским хозяйством того времени было наиболее эффективно справляться коллективно и локально... Российская община давала гибкую и уже готовую сеть организаций для решения широкомасштабных местных задач, функционируя помимо этого в качестве основной ячейки самоидентификации...

Середняки, в соответствии с точным определением этого слова, были решающей силой в российском селе и большинства в его общинах. Безземельные и «бобыли» не имели достаточного веса в деревнях, и не могли оказать в одиночку длительного сопротивления в сельской борьбе... Сила общинного схода была такой, что наиболее богатые обычно не могли удержать контроля над этими общинами. Что касается кулаков в сельской местности России, по крайней мере в крестьянском значении этого термина, они были не обязательно самыми богатыми хозяевами или работодателями, но «не совсем крестьянами»,

стоящими в стороне от общин или против них. Наиболее близким крестьянским синонимом термину «кулак» был в действительности «мироед» - «тот, кто пожирает общину»».

Экспроприация крестьянства

Под предлогом получения хлеба группировка Сталина приступила к массовой экспроприации крестьянства, стремясь раз и навсегда покончить с опорой деревенской автономии - общиной и выкачать из села, как из своего рода «внутренней колонии», материальные и человеческие ресурсы и средства для форсированной индустриализации. Разгромив фракцию Бухарина - Рыкова, сталинцы развернули в 1928 - 1929 гг. так называемую «сплошную коллективизацию». Для ее осуществления в деревню были направлены 35 тысяч активистов из города. Формировались специальные «бригады», состоявшие из партийных рабочих, милиционеров и сил тайной полиции. Они силой заставляли крестьян вступать в «коллективные хозяйства» (колхозы). Опорой государственной политики стала и сельская молодежь, чье недовольство патриархальными сельскими порядками власти использовали в своих интересах; комсомольские организации становились орудиями «коллективизации». Общинные структуры и порядки упразднялись, семейные наделы и скот насильственно «объединялись». В колхозах вводилась индустриальная форма организации труда: во главе был поставлен председатель, фактически назначаемый властями; тот, в свою очередь, определял руководителей бригад. Практически весь урожай изымался государством; члены колхоза за свою работу получали квитанции - «трудодни». Весь труд строжайше планировался «сверху», за невыполнение плана устанавливались санкции. Колхозникам запрещалось покидать колхоз без разрешения. Отказавшиеся «вступить» в колхоз объявлялись «кулаками» или «подкулачниками»; против них была провозглашена решительная борьба. В конце 1929 года Сталин объявил, что крестьяне «идут в колхозы» целыми «селами, районами, даже округами», и распорядился «ликвидировать кулачество как класс». У «кулаков» и «подкулачников» отбиралось все имущество, а сами они вместе со всей семьей высылались на Север и в Сибирь. «Раскулачивали вплоть до валенок, которые стаскивали с ног малых детишек», - писал один из наблюдателей. По словам левого эсера И.Штейнберга, «под общим именем кулака был, по существу, объявлен террор против всей деревни, включая бедняков. Так, в среднем были экспропрированы 10-15% крестьян, а во многих областях - до 40%». А некоторые зажиточные деревни были высланы целиком. Общее количество жертв «коллективизации» составляло многие миллионы; значительная часть высланных погибла. Оставшихся крестьян заставляли вступать в колхозы. Позднее Сталин признавался Черчиллю, что «политика коллективизации была страшной борьбой», пришлось бороться с «десятью миллионами» «маленьких людей». «Это было что-то страшное, это длилось четыре года. Все это было очень скверно и трудно, но необходимо».

Крестьянское сопротивление

Крестьянство восприняло «коллективизацию» как новое издание крепостного права. Судя по отчетам тайной полиции (ОГПУ), крестьяне говорили: «Колхозами

нас погонят опять в барщину и будут над нами ходить с кнутом, а мы работай, спину гни». «Дайте нам жить свободно, коллектив - это есть старая екатериновщина. В коллективе человек превращается в скот». Нередко местные Советы отказывались выполнять решения и заменялись послушными кадрами из города. В некоторых районах (особенно на Украине, на Северном Кавказе, в Казахстане) вспыхнули крестьянские бунты и восстания. В Среднем Поволжье только в мае-июне 1929 г. было от 60 до 100 массовых выступлений. Всего за 1929 г. там было зарегистрировано 196 восстаний, в январе - апреле 1930 г. - 319, в мае - июне 266. Выступления охватывали целые регионы, сопровождаясь захватами милицейских отделений и освобождением арестованных. В феврале 1930 г. на Северном Кавказе вспыхнуло многотысячное восстание, в котором участвовали даже члены партии и комсомольцы, бывшие красные партизаны. Особую активность в борьбе с правительственным насилием проявляли женщины. Они отбивали реквизированное зерно, отказывались вступать в колхозы и мешали делать это своим мужьям, требовали выхода из «коллективных хозяйств» («бабьи бунты» зимы 1929-1930 гг.).

Всего (не считая Украины) в январе 1930 г. было отмечено 346 массовых выступлений с участием 125 тысяч крестьян. В последующие месяцы их число нарастало: 736 выступлений с участием 220 тысяч человек в феврале, в первой половине марта - 595 выступлений с участием 230 тысяч крестьян. На Украине в это время прошли бунты в 500 населенных пунктах. В марте в Белоруссии, Центральном Черноземье, на Нижней и Средней Волге, Северном Кавказе, в Сибири, на Урале, в Ленинградской, Московской, Западной, Иваново-Вознесенской областях, в Крыму и в Средней Азии прокатились 1642 выступления с участием до 800 тысяч человек. На Украине в марте волнения охватили более 1000 населенных пунктов. В западных областях республики формировались крестьянские отряды и собственные органы управления.

Крестьянские выступления жестоко подавлялись войсками и силами безопасности. Тем не менее, сопротивление деревни заставило власти сделать вид, что они пошли на попятную. В марте 1930 года, когда в колхозы были загнаны до 60% крестьян, Сталин опубликовал в «Правде» статью «Головокружение от успехов». Он утверждал, что «нельзя насаждать колхозы силой. Это было бы глупо и реакционно». Он списал весь террор против крестьянства на «перегибы» чиновников, у которых «закружилась голова от успехов». На места была послана директива о смягчении курса, в которой признавалось угроза «широкой волны повстанческих крестьянских выступлений и уничтожения «половины низовых работников».

Верный своей излюбленной тактике, диктатор предпочел после первого рывка чуть-чуть отступить назад, не меняя общего курса по существу. Официально крестьянам разрешили выходить из насильственно созданных колхозов; через полгода в них остался лишь 21% крестьян. После этого власти прибегли к «экономическим» мерам принуждения. «Единоличники», то есть не вступившие в колхоз, должны были платить колоссальные налоги, имущество тех, кто был не в состоянии платить и отказывался присоединиться к колхозу, конфисковывалось.

В результате уже к 1932 году было «коллективизировано» 62% крестьянских дворов.

Последствия "коллективизации"

За провозглашенную властями «необходимость» было заплачено миллионами человеческих жизней и сельскохозяйственной катастрофой. «Сплошная коллективизация ввергла народное хозяйство в состояние давно небывалой разрухи: точно прокатилась трехлетняя война», - отмечал один из свидетелей.

Валовый сбор зерна, составивший в 1930 году 830 миллионов центнеров, упал в два последующих года ниже 700 миллионов, производство сахара упало с 1929 года более чем в 2 раза, число лошадей сократилось на 55%, поголовье рогатого скота - на 40%, число свиней - на 55%, овец - на 60%. Множество домашних животных погибли просто из-за того, что для содержания их большими «коллективизированными» стадами не было ничего подготовлено, или из-за конфискации запасов кормов государством. Большое количество скота было зарезано самими крестьянами, которым было нечего есть. Миллионы людей гибли от голода.

Голод 1931 - 1932 гг.

Для созданных колхозов устанавливались чрезвычайно высокие, по сути невыполнимые планы сдачи хлеба государства. В результате изымались не только излишки хлеба, но и зерно для посевов, а также съестные припасы, необходимые для пропитания самих крестьян. Для «выбивания» хлеба в деревню были отправлены чрезвычайные комиссии, войска. В августе 1932 года был принят закон «Об охране и укреплении общественной собственности», получивший в народе название «закона о трех колосках». Согласно ему, крестьяне и даже дети, собиравшие в поле опавшие колоски или взявшие кочан капусты, приговаривались к десятилетнему заключению. За более крупную «кражу» полагался расстрел. Только за пять месяцев после принятия закона были осуждены 55 тысяч и расстреляны 2 тысячи человек.

В стране вспыхнул массовый голод, унесший, по некоторым подсчетам, до 5 миллионов человеческих жизней. Вымирали целые деревни и села.

Особенно трагическое положение сложилось на Украине, в Поволжье и на Северном Кавказе. «...В страшную весну 1933 года... я видел умиравших от голода, видел женщин и детей, опухших, посиневших, еще дышавших, но уже с погасшими, мертвенно равнодушными глазами, и трупы, десятки трупов в серяках, в драных кожах, в стоптанных валенках и постолах... трупы в хатах - на печках, на полу - во дворах на тающем снегу в старой Водолаге, под мостами в Харькове...» - вспоминал писатель Лев Копелев. Люди съедали домашних животных, древесную кору, иногда доходили до людоедства. Многие кончали жизнь самоубийством, не выдержав мук голода. Некоторые пытались бежать в города: их ловили заградительные отряды.

В то же самое время верхи общества кичились своим благополучием. Украинский писатель В.Сосюра вспоминал о голоде 1933 года: «Мы, полуголодные, стоим у окна писательской столовой... а жена одного известного писателя... стоит над

нами на лестнице и с издевательским высокомерием говорит нам: - А мы этими объедками кормим наших щенков».

Массовый голод приводил к взрывам отчаяния, бунтам и протестам. Их история до сих пор детально неизвестна. Но некоторые отрывочные данные, приводимые историком О.Хлевнюком, позволяют представить себе общую картину. Например, в апреле 1932 г. 400 - 500 жителей Борисова (Белоруссия) разгромили хлебные склады и организовали демонстрацию к казармам. В Вичуге (Ивановская область) вспыхнула всеобщая забастовка фабричных рабочих; многотысячная толпа, захватила здания политической полиции ГПУ и райкома партии. Произошли стычки с милицией, имелись жертвы. Стачка была подавлена. Забастовки и массовые волнения произошли и в других районах области, рабочие готовили поход на областной центр. Власти произвели массовые аресты «антисоветских элементов» и руководителей забастовок, остановили поезда. В мае 1932 г. около 300 женщин в селе Устиновцы под Полтавой подняли черный флаг и попытались захватить на станции вывезенный хлеб. Напав на железнодорожные станции и склады, удалось отбить хлеб и зерно крестьянам соседних деревень Часникова, Лиман, Федунки и других.

В то же самое время власти увеличивали вывоз хлеба за границу. В апреле 1931 г. сталинский режим заключил договор с Германией о продаже зерна и золота в обмен на кредит в 1 млрд. марок и поставки промышленного оборудования. Соглашение действовало до 1936 года. В целом до 50% ввезенных из-за границы станков СССР получил из Германии. В 1932 году за рубеж было вывезено 1,8 млн. т. зерна, в следующем году - еще 1 млн. т. Экспорт зерна продолжался и в последующие годы. Только с 1 января 1940 г. по 22 июня 1941 г. в Германию вывезли 1,4 млн. т. зерна (в 1940 г. на Германию пришлось всего 81,4% зернового экспорта СССР). В это же самое время снабжение продовольствием советского населения оставалось крайне недостаточным...

Создаваемые гиганты тяжелой промышленности требовали большого количества рабочих рук. «Раскулаченные» и сосланные крестьяне использовались как даровая рабочая сила на индустриальных стройках, на добыче золота и т.д. С конца 20-х годов началось массовое переселение миллионов лишенных земли сельских жителей в города. Уже в 1931 г. в города перебрались 4 млн. крестьян, еще 7 млн. работали на «сезонных» стройках. Всего с 1926 по 1939 гг. городское население увеличилось на 30 млн. человек, из которых 23 - 25 млн., по оценке французского историка Н.Верта, были крестьянами, ушедшими из деревни. Все это приводило к чудовищной нехватке жилья в крупных городах - к «жилищному кризису». Власти пытались контролировать этот процесс, отказывая крестьянам в выдаче паспортов (введены в 1932 году) и вводя систему прописки. В итоге социальная структура в СССР претерпела радикальные изменения, приобретая черты, близкие к тем, которые характерны для индустриальных обществ. Уже к 1940 году в городах жила треть населения страны, в начале 60-х годов количество городского и сельского населения сравнялось, в середине 70-х годов в деревне обитали менее трети жителей СССР.

Промышленная политика Сталина

«Завоевание» деревни позволило режиму приступить к пересмотру темпов индустриализации. XVI съезд партии (июнь - июль 1930 г.) выдвинул лозунг: завершить пятилетку в четыре года с ежегодным приростом промышленного производства в 30%. «...Политбюро... легко перескакивало с 20% на 30% годового роста, пытаясь каждое и временное достижение превратить в норму и теряя из виду взаимообусловленность хозяйственных отраслей. Финансовые прорехи плана затыкались простой бумагой», выпуском необеспеченных денег, - отмечал Троцкий. Форсирование темпов обернулось на деле чистой авантюрой. «Снабжение заводов сырьем и продовольствием ухудшалось из квартала в квартал. Невыносимые условия существования порождали текучесть рабочей силы, прогулы, небрежную работу, поломки машин, высокий процент брака, низкое качество изделий. Средняя производительность труда в 1931 г. упала на 11,7%. Согласно мимолетному признанию Молотова, запечатленному всей советской печатью, продукция промышленности в 1932 году поднялась всего на 8,5%, вместо полагавшихся по годовому плану 36%». К концу 1930 г. 40% капиталовложений в промышленность были заморожены в незавершенных проектах, властям пришлось сосредоточиться на нескольких приоритетных ударных объектах. Первый пятилетний план был провален. Это не помешало сталинскому правительству громогласно объявить о том, что «пятилетка в четыре года» успешно завершена.

По официальным данным, за годы первой пятилетки удалось построить и ввести в действие 1500 новых промышленных предприятий, увеличив промышленное производство в несколько раз, создав мощную военную индустрию и доведя удельный вес промышленности в народном хозяйстве до 71% (по сравнению с 51% в 1928 г.). Начались необратимые сдвиги в социальной структуре. Количество рабочих и служащих в промышленности возросло с 3,7 млн. до 8,5 млн. человек. Безработица была ликвидирована. Но достигнуто это было ценой тяжелейших лишений и самой жестокой эксплуатации трудящихся.

Политика государства была направлена на то, чтобы максимально сократить свободу передвижения рабочей силы. Идеалом считалось фактическое прикрепление работника к месту его работы. Осенью 1930 года была развернута кампания критики «дезертиров с трудового фронта» и «летунов» (людей, часто меняющих места работы в поисках лучшего заработка); их исключали из партии и комсомола. На предприятиях шел якобы «стихийный» сбор подписей в поддержку таких мер. Профсоюзы требовали от работников по первому призыву «партии и правительства» отправиться «в наиболее уязвимые участки трудового фронта». «Преданность» специалистов своему предприятию поощрялась с помощью продвижения по службе, предоставления квартирных и отпускных льгот, преимуществ при распределении рационированных продуктов. Расторжение трудящимися трудового соглашения стало рассматриваться как односторонний акт, нарушение трудовой дисциплины; ушедшим отказывали в предоставлении пособия по безработице. Если рабочий бросал работу чаще, чем 2 раза в течение 42 месяцев, он подвергался наказаниям. В 1931 г. была официально введена «трудовая книжка», в которой фиксировались места работы. Первоначально эта система распространялась только на промышленных и транспортных рабочих, но с 1938 г. стала всеобщей. Писатель В.Серж описывал

эту полицейскую практику: «Паспорт визируется по месту работы. При каждой перемене места работы причина перехода вносится в паспорт. Я знаю факты, когда рабочим, уволенным за неявку в выходной день для участия в «добровольной» (и, естественно, не оплачиваемой) работе, в паспортах делалась отметка: «Уволен за срыв производственного плана»».

По существу, более не соблюдались ограничения сверхурочной работы, предусмотренные Кодексом законов о труде 1922 г. Фактическое рабочее время часто превышало официально установленный 8-часовой рабочий день. Директора предприятий могли по своему усмотрению вводить 10-часовой рабочий день при сохранении прежнего уровня зарплаты. В рамках «научной организации труда» принимались меры, целью которых было выжать из работника как можно больше. С 1927 г. существовал 7-часовой рабочий день с трехменной работой и интенсификацией ночного труда. В 1929 г. в качестве «великого достижения социализма» была введена так называемая «непрерывка» - вначале в нефтяной промышленности и металлургии, затем - также в сфере управления и торговли. Рабочая неделя длилась теперь 4 дня, за которыми следовал выходной, рабочий день продлевался до 8 часов. В итоге нормальная семейная жизнь работников разрушалась, выходные не совпадали, досуг был дезорганизован. В 1937 г. власти вынуждены были начать вводить новую систему 6-дневной недели, а в 1940 г. вернулись к традиционной 7-дневной неделе с одним выходным днем.

Официальная наука приводила аргументы в пользу продления рабочего времени и увеличения интенсивности труда. В 1939 г. директор Института охраны труда заявил, что его учреждение пересмотрело принципы оценки физиологии труда, которые, по его словам, «переоценивали» «субъективное чувство усталости» работника. Он назвал «теорию усталости»... орудием классового врага, его «последней линией обороны» в попытке замедлить «социалистическое наступление пролетариата». Усталость следовало преодолевать напряжением физических сил и воли.

С целью увеличить эксплуатацию труда работников и контроль над ним власти осуществили переход с почасовой оплаты труда на сдельную. Число получающих сдельную оплату возросло с 1930 по 1932 гг. с 29% до 68%.

"Стройки коммунизма"

Об условиях жизни и труда людей на стройках первой пятилетки ярко рассказал писатель И.Эренбург в повести «День второй» (1932 - 1933 гг.). Речь шла о строительстве металлургического комбината в Кузнецке.

«...Звери отступили. Лошади тяжело дышали, забираясь в прожорливую глину; они потели злым потом и падали... Кобель тщетно нюхал землю. По ночам кобель выл от голода и от тоски... Кобель вскоре сдох. Крысы попытались пристроиться, но и крысы не выдержали суровой жизни. Только насекомые не изменили человеку. Они шли с ним под землю, где тускло светились пласты угля. Они шли с ним и в тайгу. Густыми ордами двигались вши, бодро неслись блохи, ползли деловитые клопы. Таракан, догадавшись, что не найти ему здесь иного прокорма, начал кусать человека...

Но люди не звери: они умели жить молча. Днем они рыли землю или клали кирпичи. Ночью они спали...

Люди пришли сюда со всех четырех концов страны. Это был год, когда страна дрогнула... Оседлая жизнь закончилась. Люди понеслись, и ничто больше не могло их остановить. Среди узлов вопили грудные младенцы. Старики отхлебывали суп из ржавых жестянок. Здесь были украинцы и татары, пермяки и калуцкие, буряты, черемисы, калмыки, шахтеры из Юзовки, токари из Коломны, бородатые рязанские мостовщики, комсомольцы, раскулаченные, безработные шахтеры из Вестфалии или из Силезии, сухаревские спекулянты и растратчики, приговоренные к принудительным работам, энтузиасты, жулики и даже сектанты-проповедники... По базарам Украины ходили вербовщики: они набирали рабочих. Глухие деревни Севера всполошились, узнав, что в Кузнецке людям дают сапоги... Казахи... никогда не видали ни заводов, ни железнодорожного полотна. Им сказали, что где-то на севере еще можно жевать и смеяться. Тогда, подобрав полы своих длинных халатов, они пошли...

На стройке было двести двадцать тысяч человек. День и ночь рабочие строили бараки, но барачников хватало. Семья спала на одной койке. Люди чесались, обнимались и плодились в темноте. Они развешивали вокруг коек трухлявое зловонное тряпье, пытаясь оградить свои ночи от чужих глаз... Те, что не попадали в бараки, рыли землянки. Человек приходил на стройку, и тотчас же, как зверь, он начинал рыть нору. Он спешил - перед ним была лютая сибирская зима...

Люди жили, как на войне. Они взрывали камень, рубили лес и стояли по пояс в ледяной воде, укрепляя плотину... Они устанавливали, что ни день, новые рекорды, и в больницах они лежали молча с отмороженными конечностями...

Летуны приезжали, чтобы сорвать спецодежду, приезжали также крестьяне из ближних колхозов - «подработать на коровку». Приезжали и комсомольцы...: они строили гигант. Одни приезжали изголодавшись, другие уверовав. Третьих привозили - раскулаченных и арестантов, подмосковных огородников, рассеянных счетоводов, басмачей и церковников.

На пустом месте рос завод, а вокруг завода рос город, как некогда росли города вокруг чтимых народом соборов... Все иностранцы говорили: постройка такого завода требует не месяцев, но долгих лет. Москва говорила: завод должен быть построен не в годы, но в месяцы. Каждое утро иностранцы удивленно морщились: завод рос.

В тифозной больнице строители умирали от сыпняка. Умирая, они бредили... Умирая от сыпняка, они еще пытались бежать вперед. На место мертвых приходили новые».

Вторая пятилетка

Сталинский режим извлек определенные уроки из провала темпов роста, намеченных на первую пятилетку. Плановые задания на вторую пятилетку (1933 - 1937 гг.) были скорректированы в сторону большей умеренности. В результате удалось добиться большего, чем в предыдущее пятилетие, экономического роста и в пять раз большего повышения производительности труда. В строй вступили

4500 промышленных предприятий. Страна перешла на самообеспечение основными промышленными изделиями и машинами. Резко увеличился выпуск военной продукции, осуществлялась механизация сельского хозяйства. Но все это сопровождалось по-прежнему низким уровнем жизни и глубоким кризисом сельского хозяйства.

Одновременно режим пошел на меры, которые ряд исследователей определяют как «сталинский неонэп»: распределение по карточкам заменялось торговлей, допускались «колхозные рынки», был «реабилитирован» рубль, поощрялись личные подсобные хозяйства крестьян, провозглашался «хозрасчет» (то есть использование ценовых и стоимостных критериев) в промышленности. Но эта политика существенно отличалась от старого нэпа. По словам российского историка В.Роговина, она сочетала «ослабление административно-командных рычагов в управлении экономикой с усилением социальной дифференциации и непрерывным нагнетанием политических репрессий ради подавления всякой оппозиционности и критики..., ради закрепления господствующей роли бюрократии и режима личной власти».

Экономическое развитие периода второй пятилетки сопровождалось дальнейшим ухудшением социального положения трудящихся. На предприятиях усиливалось всевластие директора. Один из лидеров режима Л. Каганович провозгласил: «Мастер является полновластным начальником цеха, директор является полновластным начальником завода, и каждый из них обладает всеми правами, выполняет все обязанности и несет ответственность, которые сопутствуют этим должностям». Его брат М.Каганович, высокопоставленный работник Наркомата тяжелой промышленности подтверждал: «Нужно прежде всего укрепить единоначалие. Нужно исходить из того основного положения, что директор является полным единоначальником на заводе. Все работники завода полностью ему подчиняются». Директора получили право регулировать зарплату и нормы труда работников.

Один из профсоюзных лидеров пояснял: «Они (рабочие) не должны защищаться от своего правительства. Это совершенно неправильно... Это подмена хозоргана... Это «левацкое оппортунистическое извращение, срыв единоначалия и вмешательство в оперативное управление». С 1934 г. практика коллективных договоров фактически не существовала. Позднее председатель Центрального совета профсоюзов Н.Шверник заявлял: «...когда план является решающим началом в развитии нашего народного хозяйства, вопросы заработной платы не могут решаться вне плана, вне связи с ним. Таким образом, коллективный договор как форма регулирования заработной платы изжил себя».

В рамках политики повышения норм выработки режим широко использовал так называемое «социалистическое соревнование», поощряя конкуренцию между самими работниками. О том, как это делалось, свидетельствует история так называемой «стахановщины». В августе 1935 г. шахтер А.Стаханов превысил сменную норму добычи угля почти в 15 раз. Его «опыт» широко рекламировался и внедрялся и в других отраслях экономики, был официально «рекомендован» пленумом ЦК партии. В действительности каждое из подобных достижений было специально «организовано» (с помощью создания особых условий работы) с тем,

чтобы затем провести в 1936 - 1938 гг. массовое повышение норм выработки по всем отраслям. Один шахтер-эмигрант назвал «стахановщину» «новым выжиманием пота и крови из рабов «социалистического государства»». Не зря рабочие ненавидели «стахановцев»! Власти даже вынуждены были ввести специальное наказание за убийство «стахановцев» как за политическое преступление.

"Большой террор"

Во второй половине 30-х годов на смену «сталинскому неонэпу» пришел большой террор. У него было много причин, включая, разумеется, острую политическую борьбу, соперничество между номенклатурными кланами и стремление сталинского режима разрушить любую почву для потенциального возникновения какой-либо оппозиции. Среди этих причин выделяется еще одна, важнейшая: попытка сталинской системы обеспечить растущую тяжелую и военную промышленность и строительство транспортной сети миллионами даровых рабочих рук заключенных. «Труд заключенных, как правило, очень непроизводителен. Русское правительство прибегает к нему в таких огромных масштабах просто потому, что у него относительно меньше капитала, чем людской силы, по сравнению с передовыми странами Западной Европы и Соединенными Штатами», - пояснял критик сталинизма Тони Клифф. - «В то же время, как это ни парадоксально, использование этого труда помогает преодолеть узкие места, вызываемые недостатком рабочей силы в некоторых районах и отраслях промышленности... Кроме того, следует помнить, что в СССР есть много неприятных работ (на Дальнем Севере, например), к которым свободных или даже полусвободных рабочих можно склонить, только используя весьма веские побудительные мотивы».

Волна террора сопровождалась ужесточением трудового законодательства и фактической милитаризацией труда в период третьей пятилетки (1938 - 1941 гг.). Указ от 28 декабря 1938 г. был направлен против опозданий на работу и «безделья». Нарушителям грозило понижение в должности, а при совершении трех нарушений в течении месяца или четырех в течении двух месяцев - увольнение с работы. В июне 1940 г. власти запретили «самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений»: было решено, что работник, отсутствовавший на работе без «уважительной причины» хотя бы день, будет присуждаться к принудительным работам без тюремного заключения сроком до 6 месяцев по месту работы и к сокращению зарплаты на четверть. В октябре органы управления промышленности получили официальное право принудительно переводить работников на другие предприятия и учреждения. По существу, работники были прикреплены к своим рабочим местам.

Наряду с террором и ужесточением деспотического режима на производстве сталинский режим широко использовал и другой метод подстегивания к труду - разжигание массового энтузиазма. О фанатизме и упорстве строителей «социализма», «героев пятилеток» и особенно комсомольцев 30-х годов почти единодушно упоминают свидетели и участники событий тех лет. Нет никаких оснований сомневаться в искренности многих из этих людей. Пафос «строительства нового», без которого были бы немыслимы «трудовые

свершения» первых пятилеток, до сих пор вызывают ностальгические чувства у многих переживших сталинский «перелом». Но не следует забывать о том, что этот энтузиазм, эта массовая самоотверженность, побуждавшая людей в нечеловеческих условиях отдавать свои силы и жизни во имя «создания нового общества», усиленно внушались сверху режимом, который умело, цинично раздувал и использовал наивную веру и иллюзии миллионов для достижения собственных целей. Господствующая мораль сталинского общества требовала от человека, по словам французского социолога А.Горца, чтобы он воспринимал выполнение плана как моральное веление, чтобы он «сам хотел быть тем инструментом, с помощью которого внешняя по отношению к нему воля (плана или партии) осуществляла внешние по отношению к нему цели (социализма, истории, революции). Его любовь к партии, его вера в революцию и социализм должны были придать смысл той узко специальной и непонятной ему задаче, которая предписывалась ему планом. Вера и революционное воодушевление призваны были, таким образом, компенсировать то, что смысл и осознание плановых целей оставались совершенно непостижимыми для человеческого опыта».

Этой иррациональной вере не мешал даже развернувшийся массовый террор. «Нет, не сошел с ума, не убил себя, не проклял и не отрекся..., - с горечью и раскаянием вспоминал позднее Л.Копелев. - А по-прежнему верил, потому что хотел верить, как издревле верили все, кто были одержимы стремлением служить сверхчеловеческим, надчеловеческим силам и святыням: богам, императорам, государствам, идеалам Добродетели, Свободы, Нации, Расы, Класса, Партии...».

Реальную степень и масштабы сопротивления рабочих против невыносимых условий и темпов труда, навязываемых им политикой индустриализации, трудно оценить. Какие-либо легальные забастовки были в условиях сталинской диктатуры невозможными. Трудящиеся могли еще пытаться протестовать, меняя место работы, пока это не было окончательно запрещено. Можно предположить, что, по крайней мере, какое-то число случаев саботажа, порчи оборудования, станков и т.д. в 30-е гг. действительно были индивидуальными актами протеста рабочих - наподобие движению «разрушителей машин» во время индустриализации в Англии в XVIII - XIX вв.

За годы третьей пятилетки были построены еще около 3 тысяч промышленных предприятий. В стране были заложены основы современного индустриального общества. Доля рабочих в населении выросла до 33%, служащих - до 17%, доля крестьян - сократилась до 50%. В промышленности и строительстве было занято 23% активного населения (в сельском хозяйстве 54%). СССР стал мощной индустриальной державой, заняв первое место в Европе и второе место в мире по промышленному производству. Созданный за 30-е годы промышленный и военный потенциал позволял сталинскому государственно-капиталистическому режиму вести политику активной внешней экспансии, выиграть вторую мировую войну и завоевать половину Европы. Но положение сверхдержавы было достигнуто ценой неисчислимых мук и страданий простых людей.

Классовая направленность сталинских преобразований

В 1935 году Сталин заявил: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». Разумеется, не для всех. Югославский левый коммунист А.Цилига, много лет проведший в сталинских лагерях, не зря назвал СССР «страной великой лжи».

«Все то, что так недавно было грехом для социалистического сознания - что остается грехом для всякого морального сознания - привилегии сытости и комфорта в стране нищеты и неисчерпаемого горя - теперь объявляется дозволенным, - писал эмигрант Г.Федотов в 1936 году. - Кончился марксистский пост, и... наступило праздничное обжорство. Для всех? Конечно, нет. Не забудем, что именно эти годы принесли с собой новые тяготы для рабочих и углубление классовой розни. Веселая и зажиточная жизнь - это для новых господ. Их языческий вкус находит лишнее удовлетворение своей гордости в социальном контрасте. Нигде в буржуазном мире пафос расстояния не достиг такой наглости, как в России, где он только что освободился от долгого запрета... На верхах жизни продолжается реставрация дореволюционного быта. Новое общество хочет как можно больше походить на старую дворянскую и интеллигентскую Россию. Поскольку оно не довольствуется элементарной сытостью и комфортом, его мечты о «красивой» жизни принимают невыносимо пошлые формы».

Роскошная жизнь правящего слоя - государственно-капиталистической, чиновной и менеджерской буржуазии - резко выделялась на фоне нищеты большинства населения. 8 февраля 1932 года, в год страшного голода, был официально отменен «партмаксимум» - верхние границы для заработков членов партии. «В быту Сталина и других членов Политбюро причудливо сочетались как бы две эпохи - формальное отсутствие личного имущества, сохранившееся от первых лет революции, и безграничное, бесконтрольное пользование материальными благами, зачастую недоступными даже западным миллионерам», - писал историк В.Роговин. Как вспоминал академик Е.Варга, «под Москвой существуют дачи - конечно, государственные; при них постоянно находится 10-20 человек охраны, кроме того,... всего до 40-50 человек прислуги. Все это оплачивает государство. Кроме того, естественно, имеется городская квартира с соответствующим обслуживанием и по меньшей мере еще одна дача на юге. У них персональные спецпоезда,... и, конечно же, множество автомобилей и шоферов... Они бесплатно получают... все продукты питания и прочие продукты потребления». Номенклатура более низкого ранга пользовалась специальными распределителями и столовыми за символическую цену.

В 1936 - 1938 годах председатели палат Верховного Совета СССР и их заместители получали по 25 тысяч рублей в месяц, а депутаты - по 1000 рублей в месяц плюс 150 рублей в день во время сессий. Председателям районных исполкомов Советов и первым секретарям районных комитетов партии было установлено жалование в 550 - 750 рублей в месяц, заместителям председателя и вторым секретарям - 450 - 650 рублей, другим партийным, государственным и комсомольским чиновникам - 400 - 500 рублей. Директора предприятий получали 2000 рублей в месяц (не считая средств из «директорских фондов»), руководящие инженеры - 1500 рублей. От многих сотен до многих тысяч рублей получали представители художественной и писательской элиты. В то же самое время, рабочие получали (в зависимости от квалификации) 110 - 300 рублей,

мелкие служащие - 130 - 180 рублей, служащие и техники - 300 - 800 рублей, врачи - 400 рублей и т. п. Прожить на зарплату простого человека было крайне трудно: костюм стоил 800 рублей, туфли 200 - 300 рублей, метр драповой ткани - 100 рублей.

Экономический рост, индустриальное и военное могущество Советской империи осуществлялись за счет беспощадной эксплуатации простого народа. По подсчетам, покупательная способность зарплаты сократилась за 1928 - 1940 гг. почти в три раза при росте производительности труда более чем в три раза.

В Москве еще создавалась иллюзия изобилия промышленных товаров и продуктов питания - на показ иностранным визитерам, которые потом на все лады расхваливали «чудеса» советской действительности. О том, как выглядела в 30-е годы жизнь в советской провинции, рассказал шахтер, опубликовавший под псевдонимом И.Волго-Дунайский статью «Как живут шахтеры в Донбассе» в анархистском эмигрантском журнале «Дело труда - Пробуждение»:

«В эти (имеются в виду шахтерские) районы завозили больше, чем в колхозы и совхозы. Обычно привозили товары в магазины на шахты раз в 2-3 недели, а иногда гораздо реже... Сегодня, скажем, привезли товары в магазин. Лишь стемнело, жены большевицких сановных акул, а то и сами главари, кто не занят, идут в магазин, где торговцы уже разложили свои товары и ждут своих владык, хотя с улицы магазин закрыт и сторож, как обычно, сидит на крыльце или ходит вокруг... Каждый из большевицких главарей берет то, что ему нравится, и столько, насколько у него или у нее хватит денег... Не было ни одной шахтерской семьи, которая не нуждалась бы в том, что по ночам тащили из магазина компартийцы.

Жены же шахтеров, узнав о привозе товаров, сбегались со всех сторон засветло и устанавливали честную очередь с вечера, хотя магазин откроют только завтра. Они стоят в очереди всю ночь, оставив детей взаперти в квартире. Будь это зима или лето, около магазина всегда полно людей: женщины, мужчины и дети-подростки, у которых мать больна и некому идти в очередь мерзнуть. За ночь милиция по нескольку раз разгоняет этих людей от магазина, но по уходе полиции они опять становятся в очередь. Разумеется, нужда гнала этих людей в очередь, они не знали, что внутри магазина комначальство уже все распределило. А те, которые видели преступление главарей большевизма, не решались протестовать, ибо таким смельчакам немедленно пришивалась «контрреволюция» и их отправляли в ссылку на север России.

Обычно в 5 часов утра полиция уходит и в это время новые массы людей бегут к магазину с криком: «Кто последний? - Я за вами». К открытию магазина в 8 часов утра собиралось несколько сот человек. В этот момент хулиганы и пропойцы из бывших партизан начинают лезть без очереди к дверям магазина; некоторые смельчаки из публики тоже лезут к дверям наводить порядок. В этот момент открывается магазин - и начинается страшная давка: задние ряды напирают и лезут через головы передних. Крики, стоны и плач... В давке - озлобленность и драки... Попав, наконец, в магазин, люди не могли достать то, в чем они нуждались, потому что комголовка увезла их ночью на черный рынок.

Зато водку живодеры продавали вне очереди. Эта водка привозилась в бочках и продавалась дешевле настоящей водки. В 1939-40 годах ее продавали у магазинов, и те, кто имел деньги, тащили ее целыми ведрами. Этим большевицкая власть старалась выкачать средства и одурманить мозги.

...Во время торговли мануфактурой в магазин опять приходили с утра жены большевицких сановников, они лезли вне очереди и опять набирали, сколько хотели...

На шахте рабочих было 1480 человек, а сановников - 20. Последние уносили больше, чем 1480 рабочих. Эти 20 главарей... имели своих агентов по продаже закупленных товаров не на общем базаре, а сперва - близким родным, затем - субагентам; далеко находящимся родственникам посылали товары по почте. Двадцать главарей делали огромные барыши, но на митингах всегда орали во все горло: «Долой спекулянтов - врагов народа!». Так строился при мне сталинский социализм».

«Культурная революция»

Осуществление широкомасштабной индустриализации было немыслимо без повышения образовательного уровня населения СССР. Неграмотные, неподготовленные работники не могли работать на современных станках и машинах, не в состоянии были прочесть инструкции и даже указания властей. В 1926 г. 55% крестьян не умеют читать; среди рабочих было также много неграмотных. Поэтому режим резко ускорил осуществления мер, получивших официальное название «культурной революции»: ликвидации неграмотности, внедрения обязательного всеобщего начального образования на языках народов СССР, увеличения числа учебных заведений всех уровней, создания новой, верной властям интеллигенции.

Уже к концу 1933 г. количество грамотных в СССР достигло 90%. В 1930 г. было введено всеобщее начальное образование. В 1937 г. число учащихся в начальных и средних школах достигло 28 млн. (в 1914 г. - 8 млн.), а в высшей школе - 542 тысяч (в 1914 г. - 112 тысяч). За годы второй пятилетки были построены 19 тысяч новых школ. Открывались театры, кино, музеи, библиотеки, дворцы культуры и т.д. Задача обучения рабочих рук и кадров для индустриальной державы была, в основном, решена.

Со второй половины 20-х годов лингвисты приступили к разработке систем письменности для «бесписьменных» народов. Обычно они создавались на латинской основе. На латинскую графику переводились вначале и письменности, пользовавшиеся арабским письмом (аналогичную «модернизацию» и «европеизацию» провел режим Ататюрка в Турции). Но в 30-е гг. произошел поворот к русификации, латинская система письма сменялась на русский алфавит.

Одной из задач режима было смещение прежних кадров «старых специалистов», которым он не доверял, считая недостаточно лояльными. В 1928 - 1931 гг. власти вели ожесточенную кампанию против «буржуазных специалистов», которые были обвинены в «правом уклоне». Только за 1928 - 1929 гг. были отстранены от выполнения обязанностей 138 тысяч служащих (11% общего числа); до 1933 г.

отстранения коснулись еще 153 тысячи служащих. Только в Донбассе половина кадровых работников предприятий была смещена или арестована. На железных дорогах за первые полгода 1931 г. было «разоблачено» 4,5 тысяч «саботажников». Власти организовали ряд процессов над специалистами («Шахтинское дело», суды над работниками ВСНХ, предполагаемыми членами «Крестьянской трудовой партии» и «Промпартии»). Тем самым, по словам французского историка Н.Верта, «был найден «козел отпущения» за срывы в экономике..., заставляли молчать кадровых работников, не поддерживавших политику ускоренной индустриализации..., ставили в пример другим бдительность и эффективность новых пролетарских кадров».

Смещенные представители технической интеллигенции усиленно заменялись «выдвиженцами» «от станка», на преданность которых режим мог рассчитывать. Между 1928 и 1932 гг. число мест на «рабочих факультетах» в учебных заведениях увеличилось с 50 тысяч до 285 тысяч. Более 140 тысяч рабочих получили руководящие технические и управленческие посты, к 1932 г. 50% руководящих кадров в промышленности составили «практики» - «выдвиженцы». Около 660 тысяч рабочих-коммунистов ушли в служащие, управленцы или на учебу. В начале 1932 г. около 233 тысяч бывших рабочих проходили обучение или курсы повышения квалификации. Общее число рабочих, выдвинутых таким образом за период первой пятилетки, составило 1 млн. человек. Это была основа новой, «сталинской» интеллигенции.

Однако реальность быстро показала, что уровень знаний и квалификации «выдвиженцев» все еще недостаточны. И режим в очередной раз - до поры - отступил. 23 июня 1931 г. Сталин провозгласил «шесть условий», прекратив форсированную «кадровую революцию». Он осудил «спецеество» и призвал к «большей заботе» о «старых специалистах». 40 тысяч рабочих - «выдвиженцев» были возвращены на производство. Власти отменили большую часть стипендий и предоставление за счет предприятий 2 часа в день на обучение рабочих. Ограничения на доступ детей старых кадров к высшему образованию были ослаблены или отменены.

Все это, разумеется, не заставило режим в принципе отказаться от формирования новой, послушной ей технической и творческой интеллигенции. Шахтер, опубликовавший под псевдонимом «И.Волго-Дунайский» свои воспоминания в эмигрантском журнале «Дело труда - Пробуждение», рассказывал, как на шахте, где он работал в 30-е годы, управляющий «начал очищать себе дорогу от тех инженеров, в основном беспартийных, которые мешали ему «развернуться». Только с 1934 по 1936 гг. он «выгнал из своей шахты 34 главных инженера и их помощников, в большинстве с высшим образованием и многолетним стажем в горной работе. Как ярый большевик, доверенный партии и правительства, он хотел показать большую добычу угля «большевицкими темпами», то есть не считаясь с тем, что выйдут механизмы из строя и будут никому ненужные человеческие жертвы. Инженеры на это не соглашались, а потому и получали... по шапке». Только когда в 1939 г. на шахту прибыл молодой инженер, состоявший в партии, управляющий нашел с ним общий язык. Они, «секретно договорившись с представителями плановой комиссии, добились для шахты заниженного плана

добычи угля, поэтому норма эта всегда перевыполнялась... Но за перевыполнение плана получали премии несколько человек: управляющий, три инженера, начальники участков, их помощники, секретарь и помощник партячейки, председатель и помощник профсоюзного комитета».

Гигантская волна кадровых перемещений, чисток и новых «выдвижений» прокатилась в годы «большого террора» в 1936 - 1938 гг.

В отношении с работавшей на нее интеллигенции сталинский режим прибегал к методу сочетания кнута и пряника. Террор второй половины 30-х годов больно ударил по творческой и научной интеллигенции. В то же время художественная, писательская и научная элита пользовались материальными привилегиями, немислимыми для простого человека «страны Советов». В 1936 г., когда средняя зарплата в СССР составляла 231 рубль в месяц, 251 писатель зарабатывал от 500 до 2000 рублей в месяц, 50 - от 2000 до 6000 рублей в месяц и, наконец, 14 наиболее видных - свыше 10 тысяч рублей в месяц. Не удивительно, что верхушка интеллигенции сохраняла лояльность по отношению к сталинскому режиму. Н.Мандельштам, жена репрессированного поэта О.Мандельштама, вспоминала: «Жители нового дома с мраморным, из лабрадора подъездом понимали значение тридцать седьмого года лучше, чем мы, потому что видели обе стороны процесса. Происходило нечто похожее на Страшный суд, когда одних топчут черти, а другим поют хвалу. Вкусивший райского питья не захочет в преисподнюю. Да и кому туда хочется?.. Поэтому они постановили на семейных и дружественных собраниях, что к тридцать седьмому надо приспособливаться».

Сталинский режим стремился установить полный, тоталитарный контроль над областью культуры и превратить ее в средство пропаганды и восхваления власти и ее «вождей». В рамках унификации культуры и искусства 23 апреля 1932 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», которое ликвидировало все имевшиеся творческие объединения. По диктату ЦК создавались единые творческие союзы по профессиям - писателей, композиторов, художников, архитекторов и т.д. Все издания отдельных групп ликвидировались вместе с ними. Был утвержден единый, обязательный для всех художественный метод так называемого «социалистического реализма», любой творческий поиск, выходящий за эти узкие рамки преследовался как «формализм» и «авангард». «Культурная революция» по-сталински оказалась, таким образом, также завоеванием и подчинением культуры сталинизмом.

В.В. Дамье